

Память сердца

Юрий Ильясов

Извечное постигший человек

В четверг, 18 января, – день памяти поэта Юрия Ильясова, которого не стало шесть лет назад...



Для многих остаётся загадкой, почему в нашем сравнительно небольшом и сплошь рабочем городе так сильно тяга к писательству, литературному творчеству. Да и к культуре вообще.

То ли это традиции, заложенные в далеких тридцатых нашими замечательными писателями-земляками Борисом Ручьевым, Михаилом Люгариным, Людмилой Татьяничей, Ниной Кондратовской, Александром Лозневым. То ли следствие повального наплыва маститых советских литераторов на легендарный Магнитострой.

Так или иначе, с первых дней строительства комбината и города звонко зазвучали литературные

струны Магнитки. Юрий Ильясов – среди тех, кто был в этой среде бесспорным лидером.

Стихи он начал писать в школе. Занимался в литературной студии «Красно солнышко», которой руководили в разное время Нэмир Голланд и Юрий Костырев. Литературный дебют состоялся в 1966 году. Затем учился на факультете русского языка и литературы Магнитогорского государственного педагогического института. Работал механиком рефрижераторного поезда, подсобным рабочим, корреспондентом газет «Калибровщик», «За кадры», редактором газеты «Педагог». Долгое время руководил литературной студией при МГПИ, возглавлял пресс-службу

Магнитогорского государственного университета.

Главными в его творчестве всегда были вечные ценности – любовь, чувство благоговения перед женщиной, жизнестойкость...

На протяжении всей творческой жизни Юрий Федорович опекал молодых, начинающих поэтов и писателей. Во многом благодаря его наставничеству в литературе Магнитки появились имена Натальи Карпичевой, Елены Холодовой, Анастасии Айвазовой, Ренарта Фасхутдинова, Алёны Тупаловой, Оксаны Станкевич и многих других.

Юрий Ильясов – автор стихотворных книг «Устремление сердца» и «Идущий следом», лауреат конкурса имени К. Нефедьева в номинации «Поэзия» за 2003 год.

Бессоница

Какая-то наличествует связь! – Бессоница его передалась
Сквозь толщу стен,
минуя два квартала.
Она проснулась. Тишь и темнота,
Лишь маятник часов
«Ох, ма-я-та!»
Отчетливо чеканит.
Страшно стало.

Прижалась к мужу.
Но, увы, к спине.
Он отвернулся от неё к стене.
Да где ж его была прить
и смелость?
Как захрапел он!..
Этакий медведь!..
Хотелось – жить.
Хотелось – умереть.
И – чёрт-те знает,
что ещё хотелось...

Пойдём туда, где чисто и светло.
Там женщина – такая недоτροга,
Высокие ступени у порога
Там первозданным снегом занесло.

А женщина нас любит, как сестра.
И стол накрыт.
Дымятся чашки с чаем.
И мы с тобою в ней души не чаем
За щедрость безграничного добра.

Куда мы шли?
Иль стёжка? Иль стезя?
Пойдём – там ничего не обещают,
А просто понимают и прощают,
Хотя простить давно уже нельзя.

И снег летит в оконное стекло.
...Была такая долгая дорога,
Такая боль, что нужно, ради бога,
Прийти туда, где чисто и светло.

Поиск

Где ж такая строка, что чиста,
как вода из колодца?
– Неплохие стихи у тебя,
но читать их горько.

Как ни выйду на речку Урал –
все твой стон раздаётся, –
Говорит мне Борька.

Может, вправду он знает,
как нужно писать для народа,
Как с улыбкой пройти
мимо общего дома – Содома?
– Оба мы, – говорю, – веселее
глядим год от года, –
Так блаженные смотрят на мир
сквозь решётки дурдома.

Ничего не ответил собрат мой.
Небрит и простужен,
От меня он уходит,
сгорбтив худющую спину,
К терпеливой жене,
к непрощающей тётце и к сыну,
Под прицелом вселенной –
на грустный,
заждавшийся ужин.

Он с кольцом обручальным
такой же, как я, – беспричальный.
Тоже ищет себя
перед зовом господним на выход.
Так мучителен вдох!
Так стремительно-радостен
выдох
В том краю, где стихи
и светлы, и нежны, и печальны.

До завтра

Он смеялся, шутил,
целовал шаловливые губы,
Но звенело желанье сказать ей:
«Прощай и прости», –
У него подозрение есть,
что она его любит.
Нафиг снова ему крест любви,
спотыкаясь, нести?

Он своё отлюбил.
Он теперь переходит на прозу.
Он не влипнет, не всхлипнет,
как старый, безумный собрат,
Что всю душу свою исколол
о прекрасную розу,
Ну да сам виноват.

Как же верить себе,
а тем более этой подруге,
Если даже рассветы-закаты
земные в крови.

А любовь человечья?..
Да полно! Смешные потуги
По сравненью с великой,
божественной сутью любви.

Прощались.
«До завтра?» – спросила.
«До завтра!» – сказал.
Ей, наверно, вовек не изжить
суетливость подростка –
Побежала на жёлтый,
предательский свет перекрёстка,
по дороге к вокзалу,
но всё-таки не на вокзал.

У лотка задержалась,
купила себе пирожок,
А потом оглянулась..
И словно бы в чём виноватый,
Молодой, незатравленный,
с вечным колчаном, крылатый
За плечами её
улыбнулся печально божок...

А после?.. А после часами сидели
без толка.
Она говорит, говорит,
говорит долго-долго!

Молчанья его им хватает
вполне на двоих,
И новый – и снова, и снова! –
рождается стих.

Он это скрывает,
уставши от тайного груза,
А то заордится, узнав,
что она – его Муза.

С чего она Муза?
Он это и сам не поймёт.
Несчастливая девка.
Глазищи и крашенный рот.

Да разве зимой на деревьях
взрываются почки? –
Но ломаются прочь из него
торопливые строчки

На лист холостой
от чужой и тяжёлой руки –
Почти невесомы,
как утренний ветер, легки.

Он ведал – за это когда-то
наступил расплата,
Он ведал и ждал, затаясь,
громового раската.

Заткнулась бы, Муза!
Неужто не видишь – сгорит..
Она не жалеет.
Она говорит, говорит...

Рассказ

Михаил Рорер

Позор

Опять экскурсия. Мы идём по пыльной дороге, уже кончается день, уже собрали всё, что можно было собрать, – растения, жуков, бабочек. Все устали.

Дорога круто поднимается вверх и упирается в какую-то возвышенность. Тогда мне показалось – гора, хотя сейчас понимаю – небольшой холм. Все полезли – кто прямо, кто наискосок, кто быстрее, кто медленнее. Полез и я.

Я всегда избегал гор – высоких, с отвесными склонами и низких, больше похожих на холмы. Если подъём требовал помощи рук, мне он казался скалолазаньем, а скалолазять я не мог – боялся. Но когда все полезли, то я не решился отступить и тоже полез, как все, только медленно и неловко. Склон был не крутой, но трудный – рыхлый, скользкий грунт, смесь песка и глины, редкие мелкие кусты, пучки травы. Я карабкался наверх, мои ноги проваливались в песок,

соскальзывали вниз. Чем выше поднимался, тем больше во мне накапливался страх. Недалеко от вершины я посмотрел вниз. Подножие горы казалось бесконечно далёким, а склон – отвесным. Я застыл. Вокруг копошились фигурки – побольше вблизи, совсем мелкие вдали. Они все казались чужими, незнакомыми – кроме одной. Одну фигурку – прямо подо мной, совсем недалеко – я не мог не узнать: Жигалов, точно – идиот Жигалов. Одна из тех фамилий, которые я запомнил на всю жизнь...

Я был в восьмом классе, Жигалов – в седьмом, но явно старше меня и намного выше ростом. Он никогда не упустил случая задеть, напугать. Иногда он тихо подкрадывался со спины и вдруг толкал меня коротким, но сильным толчком так, что я падал, но не на пол, а на когонибудь передо мной; начиналась безобразная свалка. Или проходил мимо, как будто не замечая меня, и вдруг оборачивался – внезапно и быстро – и издавал какой-то ужасный звук: гавкал, или ухал, или хлопал в ладоши перед моим лицом. Но больше всего он любил замахать, как будто собираясь ударить – и не ударял. Вид моего испуга приводил его в восторг; он подпрыгивал и заливался тонким, визгливым смехом. Изо рта у него капала слюна.

Так он мучил меня целый год, пока не произошло неизбежное – он промахнулся и задел меня по лицу. От неожиданности я ударил его сам – так коротко и сильно, что он завертелся на месте волчком и упал, как будто ему подрубили ноги. Мгновенно собралась толпа: «Перебой! Перебой!» Я и сам знал, что перебой – за школой, после уроков – не избежать. Жигалов встал, но тут же пошатнулся и чуть снова не упал; потом медленно отошёл на трясущихся ногах, бессмысленно глядя перед собой, мимо меня, мимо толпы – и вышел во двор.

Перебой не было ни в тот день, ни на следующий. Жигалов меня с тех пор как будто не замечал. И всё же я его избегал – неровен час, – обходил по другой стороне коридора, а если наткнулся во дворе, то вообще смотрел в сторону или возвращался в школу.

И вот сейчас, на горе, я смотрел, как он копошится где-то внизу, и вдруг понял, что сейчас я точно упаду, покачусь с горы и собою его с ног – мы погибнем вместе. Что же делать? Я знал – надо крикнуть ему, чтобы он отошёл в сторону, отодвинулся – но не мог решиться выдать свой страх.

Я снова посмотрел вниз – Жигалов был уже совсем близко, в двух шагах. Мои ноги утопали в глине

и в песке, руки соскальзывали. Я закричал: «Жигалов! Отодвинься в сторону. Я сейчас упаду и тебя собою. Отодвинься в сторону!» Он был уже совсем близко, так же близко, как тогда, в школе. Мы впервые за несколько месяцев внимательно рассмотрели друг друга. Он брезгливо сплюнул: «Трус!» – и быстро, едва касаясь склона, полез, почти пробежал, мимо, обсыпав меня землей. Я задохнулся от стыда и тоже быстро полез наверх, так же быстро, как он, отгалкиваясь ногами, цепляясь руками за редкие кусты и пучки травы. Это оказалось легко, и мне было не страшно. Через минуту я был уже на вершине, посмотрел вниз. Сверху гора была мелкой, а склон почти пологим.

В понедельник мы встретились в школе. Он пробежал мимо, обернулся, сделал страшное лицо и, как раньше, ухнул и хлопнул в ладони. Я отмахнулся и оттолкнул его – я не мог даже смотреть на этого идиота. Зачем я его спас?

Сейчас, записывая эту историю, вспоминаю ужасное мгновение позора и снова спрашиваю

сам себя – нет, не себя, сам я всё понимаю и могу объяснить, нет, того мальчика-восьмиклассника – почему он это сделал, как он решился? Но мальчик не отвечает – он то ли не знает, то ли не хочет, не может рассказать.

